

Но, несмотря на любопытство и желание увидеть как можно больше нового, к тому времени, как они въехали в город почти через час, его веки опустились, и он с трудом пытался уснуть. Он поднял голову и с удивлением понял, что лошадь перестала двигаться и что они находятся во дворе. Элион растерянно огляделся по сторонам, слишком сонный, чтобы вспомнить, как и когда они сюда попали.

Над ним послышалось негромкое хихиканье, затем его сняли с лошади и удобно устроили на бедре Арагорна. Он зевнул, положив голову на плечо рейнджера, намереваясь поспать, раз уж они приехали, но тут в его сознание ворвался звук новых голосов, и настроженность усилилась, оттеснив все мысли о сне на задворки сознания.

Он слегка приподнял голову и, напрягшись всем телом, впился пальцами в тунику Арагорна, и его глаза с ужасом искали хозяев голосов. Рейнджер опустил взгляд, в его глазах появилось беспокойство, и это движение предупредило остальных во дворе о присутствии Элиона.

"Арагорн?" Говоривший был одет в серые одежды, с большой седой бородой и седыми волосами. Элион вспомнил о Дамблдоре, заметив, что этот человек тоже обладает некой магической силой. Он услышал, как Арагорн начал рассказывать о том, как его нашли, но проигнорировал объяснения и принялся внимательно изучать людей во дворе, ища в них угрозу.

Кроме седобородого мужчины, здесь был еще и высокий человек с длинными струящимися черными волосами, который напоминал Элиону Глорфинделя, только более могущественного. У него тоже были заостренные уши, и Элион догадался, что он эльф, так что, возможно, это был город эльфов - он не мог представить, чтобы у таких могущественных существ не было своего дома. Глаза темноволосого эльфа были суровы, но в их глубине таились доброта и мудрость, убеждавшие Элиона в том, что этот человек, скорее всего, не жесток, хотя он изо всех сил старался расслабиться: сила, которую он ощущал, излучаясь наружу, держала его в напряжении.

"Магия?!" Это восклицание вывело его из задумчивости, и Элион вздрогнул, тут же повернувшись, чтобы спрятать лицо в плече Арагорна. Это движение не осталось незамеченным, и он услышал, как эльф произнес.

"Вы все, должно быть, проголодались и устали, и хотя у меня накопилось много вопросов, они могут подождать до утра. В одной из боковых комнат вас ждет ужин, а комнаты уже приготовлены. Поешьте, отдохните и восстановите силы после погони. Ле Натлан привет". Эльф склонил голову, и Элион проследил, как остальные ответили ему тем же жестом, и поспешил сделать это сам. Он не хотел никого злить, когда он был так беспомощен, и причинить ему боль было бы так легко.

Через несколько часов Элион обнаружил, что лежит в постели - впервые с тех пор, как прибыл в Среднеземье. Все они ужинали в маленькой каморке рядом с главным залом, куда их привел Глорфиндель, но, хотя хоббиты разошлись по своим комнатам сразу же после окончания трапезы, Арагорн настоял на том, чтобы отвести его в лазарет, где ему наложили шину на запястье и проверили раны. К этому времени он уже практически спал на руках у мужчины, и

только поэтому почти не отреагировал, когда его раны промыли и перевязали.

Он не помнил, как попал в комнату, где сейчас находился, знал только, что Арагорн отнес его туда и уложил в постель. Рейнджер ушел через несколько минут, но не сразу, объяснив, что его комната находится в другом конце коридора, а хоббитов можно найти за углом. Осознание того, что Арагорн рядом, и того, что никто здесь, похоже, не желает ему зла, расслабило Элиона настолько, что изнеможение, неуклонно нараставшее в нем последние несколько часов, прошло, и он быстро погрузился в сон.

Этой ночью покой последнего уютного дома по эту сторону моря был нарушен детским криком. Эльфы, хоббиты и волшебник вскочили со своих кроватей, озираясь в поисках оружия, но Арагорн уже слышал эти крики раньше. В считанные мгновения он поспешил в комнату ребенка и заключил мальчика в крепкие объятия, его глубокий голос бормотал уверения, пока наконец изумрудные глаза не распахнулись, и наполненные ужасом радужки не встретились с его собственными.

Он притянул Элиона к себе и продолжил успокаивать ребенка, тихонько напевая на эльфийском, чтобы успокоить его, и заключая мальчика в утешительные объятия. Его внимание было настолько сосредоточено на ребенке, что он не заметил ни толпы, собравшейся у двери, которую он оставил открытой, спеша добраться до Элиона, ни того, как Элронд, Глорфиндель и Гэндальф разогнали толпу эльфов, пока не остались только они трое, а хоббиты остались в своих комнатах, поскольку уже были хорошо осведомлены о кошмарах Элиона.

В конце концов ребенок снова погрузился в дремоту, и Арагорн осторожно положил его обратно в кровать и натянул покрывало, нежными пальцами смахнув волосы Элиона с глаз. На мгновение он приостановился, прежде чем выйти из комнаты. Его глаза задержались на ребенке, и он задумался, какие события в прошлом мальчика заставляли его кричать каждую ночь. Он знал, что в жизни Элиона было более чем достаточно войны и тьмы, об этом свидетельствовали раны ребенка и его ответы на некоторые вопросы, которые ему задавали, но он не мог не задаваться вопросом, что же такого он видел и пережил, что заставило его так остро реагировать.

Он тихо вздохнул и повернулся, чтобы посмотреть на Элронда, Глорфинделя и Гэндальфа, собравшихся в дверях.

"Я так понимаю, такие события происходят часто?" тихо спросил Элронд, как только дверь закрылась, стараясь не разбудить спящего ребенка.

"Ежедневно, - подтвердил Арагорн, - иногда даже больше одного, и со времен Уэзертопа не было ночи, когда у него не было бы хотя бы одного". Я полагаю, что кошмары вызваны событиями, произошедшими до Уэзертопа, - добавил он.

Повелитель эльфов торжественно кивнул, в его глазах читалась печаль, которую он испытывал из-за страданий ребенка: "Ты знаешь что-нибудь о том, откуда взялся этот ребенок, Арагорн?"

Рейнджер не смог ничего сделать, кроме как скорчить гримасу: "Нет, - ответил он, - кроме того, что это место находится достаточно далеко, чтобы он не говорил на обычном языке, и, судя по его словам, оно было разрушено теми, кто схватил и пытал его - предположительно за его магию или дар". Я сомневаюсь, что у него больше нет дома, и знаю, что он сирота", - вопросительно взглянул он на Гэндальфа.

Наступило короткое молчание, и Арагорн ясно увидел в глазах собеседника печаль и беспокойство, которые, как он знал, светились в его собственных, затем Гэндальф заговорил, его голос был медленным и обдуманным: "Я определенно чувствую магическое присутствие, исходящее от ребенка, хотя оно заметно отличается от других Истари, и, судя по рассказам хоббитов, я верю, что он хотя бы в какой-то степени контролировал свой дар. Однако в ближайшее время я должен провести испытание мальчика, чтобы определить степень контроля над его даром и его природу, и сделать это нужно в ближайшее время, до совета, поскольку мои выводы повлияют на то, что я должен буду сказать и где он будет жить".

Наступила тишина, пока обдумывалось это предложение, но в конце концов Арагорн нарушил ее: "Но независимо от того, что обнаружит Гэндальф, ему все равно нужен любящий дом, где ничто не причинит ему вреда. Ему и так причинили слишком много боли". В его голосе прозвучала защитная нотка, которую никто из троих не заметил, и Гэндальф кивнул рейнджеру головой.

"Я не забыл об этом Арагорн, хотя, если он действительно Истар, боюсь, мало что сможет уберечь его от опасности".

<http://tl.rulate.ru/book/103154/3587793>